

Любичи представляли из себя небольшой двор купца Ярослава Андреевича Любина, а также обширные земли вдоль Волги. Купец он был известный, богатый, уважаемый. От имени торгового люда он ездил к князьям, а также на переговоры с иностранными торговцами. Он был вдовцом, от жены у него осталась дочка Ульяна, старший сын умер от горячки еще в юные годы. Теперь он неспешным шагом прогуливался вдоль возведенной сегодня части ограды, отделяющей двор дома от остальных земель его владения. Коль уж нельзя чинить препятствия людям в пользовании тем, что дают леса и озера, по последнему повелению князя Владислава Суздальского, так уж пусть не смеют хоть подходить к его дому. Он проверил крепость сколоченных досок, размышляя о том, как сильно изменится устоявшийся уклад его жизни, если князь продолжит менять устои. Среди купцов уже начали возникать волнения, ведь почивший князь Игорь Владимирович занимался лишь враждой со своими братьями и племянниками, да пытался договориться с печенегами и древлянами. А жизнь простого люда текла своим чередом. После его смерти на княжество вступил его младший брат, последний сын Владимира Богопокорного, и сразу положил конец налетам на Суздальские земли, объединил их с Новгородскими и сел править в Новгороде.

Мысли купца прервал звонкий девичий голос, раздавшийся недалеко. Он обернулся, улыбка тронула его губы, глаза засветились при взгляде на любимую дочь. 18-летняя Ульяна Ярославовна босиком выбежала на крыльцо и, размахивая венком, который сжимала в руке, с громким смехом пробежала через двор в сторону речки. Следом за ней мчалась ее близкая подруга Ася. На берегу девушки схватились за руки и принялись прыгать в воде и плескаться.

Больше всего на свете Ярослав Андреевич любил свою единственную дочь. После смерти жены он все свои заботы посвятил маленькой Ульяне, даже отбросил мысли о женитьбе, лишь бы присутствие мачехи не сделало девочку несчастной. Примерно в то же время в его доме появилась Асия Сагаева, черноволосая девочка-сирота, дочь татарина, убитого с женой недалеко от Любичей. Асия была лишь на год старше его дочери и моментально стала ей почти сестрой. Они никогда не разлучались, ночами беседовали о своих секретах, вместе воспитывались и предавались веселью.

Девочки были такие разные как внешне, так и внутренне. Белокурая румяная красавица Ульяна была переполнена жизнью, радостью, любовью ко всему окружающему. Смуглая Ася же напротив была замкнута, молчалива, диковата, привязана лишь к подруге.

Купец мог бы целый день наблюдать, как резвится его дочь, счастливая и беззаботная, но один из людей дал ему знак, что к ним приехал гость. Он ждал его, воеводу Юрия Митрова, ждал с вестями. Они поприветствовали друг друга, и гость был приглашен к столу, накрытому на широком крыльце дома. По сообщению из столицы, князь Владислав собирался открыть новый торговый путь, что грозило Лубичам и окрестным владениям потерей своего торгового влияния. К концу беседы к ним подбежала Ульяна, обняла отца и поклонилась гостю, поприветствовав его.

— Смотрю, Ярослав Андреевич, дочка-то у тебя уже невеста. Глядишь, приданое вот-вот понадобится. Этакая красавица стала.

Любин отмахнулся, и воевода продолжил беседу о том, как обуздать молодого князя, но взгляд его то и дело переходил на стоящую неподалеку молодую девушку. Он следил за ее

движениями, любовался ее русыми волосами, заплетенными в невероятно длинную косу. Его глаза устремились на ее грудь, выпирающую сквозь сарафан. Он представил ее обнаженной с распущенными волосами, представил, как откидывает локоны с плеч, открывая взору острые груди с нежными сосками цвета ее румянца. Представил, что все ее тело принадлежит ему и отдается без остатка. Ему захотелось почувствовать на вкус эти горошины сосков, сжать ладонями пышные бедра, ощутить, насколько глубоко ее лоно.

— Что ж, время покажет, чем обернутся для нас эти перемены, — прервал его чувственные фантазии купец, поднимаясь из-за стола, — я ты пока отдохни перед дорогой. Пожалуй в гости, баню тебе истопили, девку пришло, чтоб попарила.

Воевода кинул последний взгляд на Ульяну и поднялся из-за стола. Он на секунду перевел взгляд на другую девушку, едва заметную в тени белокурой нимфы. Черноволосая смуглянка тут же отвернулась, но он успел поймать на себе ее мрачный взгляд исподлобья.

Попрощавшись с гостем перед сном, Ярослав Андреевич тихо подошел к покоям дочери и прислушался, не спит ли она еще. Услышав тихое воркование, он заглянул внутрь. Ульяна и Асия сидели, обнявшись, в кровати и что-то по очереди шептали друг другу на ухо, тихо смеясь.

— Вам бы спать пора, красавицы мои, — сказал купец, — доброй ночи. Расходитесь по своим комнатам.

— Пускай Ася сегодня со мной останется, вдруг снова гроза будет, — попросила Ульяна, крепче обнимая подругу, зная, что отец не откажет.

Ярослав Андреевич задул свечи у дверей и вышел. А девушки укрылись одеялом и снова крепко обнялись.

— Видела, как на тебя этот, рябой, смотрел? — прошептала Ася. — Глаз не сводил.

Ульяна рассмеялась и, чмокнув подругу в щеку, молвила: «Так ведь женат, вроде, он. Да и старый, он как батюшка».

— Глядишь, схватил бы и утащил к себе, — продолжала Ася, — спрятал подальше, чтоб никто не нашел.

— И что бы он со мной делал? — рассмеялась Ульяна.

— Целовал бы вот так, — с этими словами Ася прижалась на несколько мгновений губами к губам подруги, — да и другие вещи делал, какие мужики с бабами делают.

Она приподнялась, оперевшись на локоть, и внимательно всмотрелась в лицо любимой подруги.

— Мужчины грубые, грязные, ненасытные, они не способны любить так, как мы. Разве сможет кто-то быть тебе ближе, чем я.

Ульяна погладила ладонью Асю по волосам, по щеке и, закрыв глаза, прошептала: «Никто и никогда, милая моя».

Ася смотрела в такое любимое и самое дорогое лицо засыпающей подруги и вспоминала о том случае, когда она ночью, будучи не в силах заснуть, проскользнула в комнату Ульяны. Это было почти два года назад, тогда в Любичах гостила сестра Ярослава Андреевича и ее сыновья, старший Олег и маленький Юрий. Ульяне всегда нравился статный удалой Олег, а теперь он был совсем взрослый, мужественный, отрастил усы и бороду, и Ульяна так и млела, глядя на него. Но он при всяком случае смеялся над ней, считая маленькой и глупой. Ульяна расстраивалась, ведь однажды она призналась подруге, что когда-то, не так давно, они были дружны и даже вместе учились целоваться, он так неловко чмокал ее в губы и говорил, что

женится на ней, когда вырастет.

Асия не могла понять, как он смог набраться смелости, чтобы в доме, полном людей, пробраться в комнату двоюродной сестры, не боясь быть застигнутым. Когда Ася увидела их, Олег лежал в кровати Ульяны, нависая над ней. Рукой он осторожно трогал сквозь ночную сорочку ее маленькие груди, а она лежала неподвижно с широко распахнутыми глазами и боялась вздохнуть. Ей было и страшно, и стыдно, и любопытно. Она чуть вздрогнула, когда он придвинулся к ней, прикинув телом к ее бедру, и уперлась рукой в его грудь.

— Я хочу посмотреть, — услышала Ася тихий шепот. — Умоляю тебя, позволь мне взглянуть хоть разок, — настаивал Олег, когда Ульяна завертела головой.

Но, несмотря на тихий протест, Олег раскрыл ворот ночной сорочки сестры и откинул его с ее груди. Тогда ее грудки были совсем небольшими, с крохотными розовыми сосками.

Олег коснулся ладонью ее груди, а потом осторожно прижался к ней губами.

— Ты что? — встрепелась испуганная взрослыми ласками Ульяна. — Отец убьет, если узнает. Уходи. Иначе закричу.

Но Олег продолжал ласкать ее грудь. Он целовал ее, прижимался щекой, захватывал ртом соски. Ульяне стала стыдно, и она закрыла лицо руками, оттолкнув его.

Асия не знала, как ей поступить — вмешаться и прогнать его или остаться стоять здесь, за пологом у дверей, если вдруг он применит силу к Ульяне. Даже в темноте она видела, как в глазах Олега мелькнуло безумие, или просто похоть. Он не стал отнимать ее руки от лица, а аккуратно и медленно пронырливыми пальцами ухватился за подол ее рубашки и стал приподнимать. Ася знала, как красивы и стройны ножки Ульяны, понимала, какие восхищение и желание они вызывают у молодого мужчины, обнажающего их.

Олег поглаживал ее кожу, поднимаясь все выше, а Ульяна тяжело дышала и сильнее закрывала лицо руками.

— Не надо! — Ульяна сделала над собой усилие, руками опустила подол и отвернулась. Олег обнял ее сзади.

— Не бойся, никто не узнает, мы осторожно. Я только прикоснусь к тебе, а свою девственность оставь для мужа, — сладко шептал Олег, прижимаясь губами к ее уху, пока руками рылся в своей одежде, освобождая мужской орган.

Он снова стал ласкать ее ноги, прижимаясь к ее спине. Ульяна приоткрыла рот и тяжело задышала. Олег придвинулся совсем вплотную, его бедра вдавились в ее ягодицы, рукой он придерживал ее за живот. Асия не могла разглядеть, что он делал, лишь со страхом наблюдала, как он резко зашевелился, вдвигаясь в бедра молодой девушки. Он тяжело ухал, а когда его движения стали судорожными и частыми, из его горла раздался приглушенный рык.

Потом он еще какое-то время так лежал, прижавшись к спине онемевшей от волнения двоюродной сестры, потом приподнялся, оправил свою одежду и тихо ушел, едва не наткнувшись на спрятавшуюся за пологом Асию, которая вскоре последовала за ним.

Наутро Ася вернулась в комнату Ульяны, застав ту стоящей обнаженной перед большим зеркалом. Ее мягкие русые волосы обрамляли красивое румяное личико и водопадом струились по спине. Девушка несколько раз провела рукой по ровным, округлым бедрам, слегка коснулась волос на лобке. Она попробовала гладить себя, впервые прислушиваясь к своему телу. Увидев, что подруга наблюдает за ней, Ульяна засмеялась и скорчила смешную рожицу.

А Ася взяла в руки брошенную на кровать ночную сорочку и обнаружила на ней сзади засохшие мутные пятна.

Асе было тяжело вспоминать ту ночь и, хотя Олег никогда больше не посещал Любичи, она испытывала сильную злость на него, бешеную ревность, ведь он был первым, кто встал между ней и Ульяной. И сейчас, когда она смотрела на лицо спящей девушки, ей до боли хотелось обнять ее и никогда не отпустить.

Асия не задумывалась над тем, какие чувства испытывает к Ульяне, не искала им название. Знала только, что без Ульяны ей не жить, что ей нужны ее доверие, ее близость, ее любовь. Она была счастлива, когда заключала подругу в крепкие объятия, когда расчесывала ее волосы, когда целовала ее лицо. Когда они вместе мылись, не стесняясь своей наготы и чужой, когда парили друг друга, когда Ася помогала подруге намылиться, касаясь ее груди и бедер, в ней не пробуждались чувственность и плотское желание, но ей не хотелось останавливаться, а хотелось снова и снова касаться белоснежной нежнейшей кожи, хотелось прижаться к ней всем телом. И она боялась, что в жизни Ульяны появится кто-то, чье прикосновение будет ей желаннее и ближе.

Месяц спустя Ярослав Андреевич получил весть о том, что князь Владислав объезжает волости и будет проезжать из Новгорода в Суздаль. Он не любил князя, опасался его молодой горячности, но понимал, какие выгоды сулит дружба с ним. Поэтому он отправился навстречу князю с целью пригласить его в свой дом.

Домашние тем временем готовились к встрече именитого гостя, готовились, убирались. Ульяна и Асия наблюдали за беготней в тени дубовой рощи на окраине двора. Ульяна качалась на старых качелях, сделанных для нее, когда она была еще совсем ребенком, а Асия сидела рядом и вплетала в косу ленты.

— Хоть бы он вовсе не приехал, — со скукой в голосе сказала Ульяна, — было бы спокойнее. Поехали бы с батюшкой на Волгу, посмотрели бы, заехали бы к Томиловым, Катенька замуж выходит на Покров. Хоть и нескоро, а все же.

Асия равнодушно слушала, как Ульяна размышляет вслух, сама с собой.

— А, может, и пусть приезжает, все ж глянем на него, князь все-таки... Хотя видели мы князей, Игорь Владимирович у нас не раз бывал, один раз даже куклу мне...

Ульяна резко замолчала, прислушалась и вскочила с качелей. Она радостно обернулась к Асе и побежала к дому.

В ворота въезжали хозяин и гости — князь Владислав Суздальские и его дружина.

Сначала гость проехался по части владений купца Любина, выслушивая размышления того о поднятии хозяйства и о развитии торговли, после гость был приглашен за богатый обильный стол в дом, где ему была представлена Ульяна. Она была настолько хороша, что князь Владислав с трудом отрывал от нее взгляд за ужином. Он говорил с хозяином о делах, хвалил его способ ведения хозяйства, расспрашивал о пользующихся нынче спросом иноземных товарах, при этом краем глаза следя за белокурой девушкой.

Ярослав Андреевич не мог не заметить внимание гостя к дочери, но он не знал, как реагировать на него. Он был горд своей красавицей, доволен хорошим настроением посетившего его князя, но вместе с тем чувствовал, что многое бы отдал, чтобы в тот день Ульяны здесь не было. Возможно, в глубине души он опасался, что когда-нибудь придется расстаться с единственным родным человеком.

Гость уехал поздно вечером, отклонив ненастойчивое приглашение Любина заночевать,

поблагодарил за теплый прием и попрощался.

Готовясь ко сну, Ульяна и Асия болтали о князе, о приеме, об обещанной отцом предстоящей поездке на Волгу, пока Ульяна не произнесла:

— А он красивый.

Асия замерла и внимательно посмотрела на подругу. Ульяна обернулась к ней и рассмеялась, она всегда превращала в шутку все неловкости и стеснения. Она запрыгнула на кровать и забралась под одеяло, потом призывно раскинула руки и заключила в крепкие объятия потянувшуюся к ней Асию.

— Ты моя самая-пресамая...

Ульяна снова засмеялась, откидываясь на подушки.

— А я совсем пьяная, мне никогда раньше пиво не наливали... Как жарко...

Асия помогла полусонной подруге снять ночную сорочку и укрыла ее легкой простыней. Она говорила, как сильно любит ее и что все готова для нее сделать, что им не нужен ни один мужчина, будь он самый богатый и самый знатный. Она гладила ее по волосам, расплетая их, любовалась ее красотой.

— Я знаю, милая Асенька, — прошептала Ульяна, снова крепко обнимая подругу, — знаю, что никого не буду любить сильнее тебя и батюшки.

Ася обхватила ладонями лицо любимой и на мгновение приникла губами к ее губам, потом снова и снова, пока поцелуй не стал более длительным и настойчивым. Ульяна улыбалась в ответ и обхватывала близкое к ней тело руками. Их объятия стали крепче, а губы сплелись в далеко не дружеском поцелуе. Ася со всей страстью, свойственной только мужчине, сжимала в объятиях молодую девушку, пока ее нежные ловкие пальцы не принялись скользить по ее спине, лаская кожу.

Когда Асе хватило сил отстраниться, она сняла через голову и свою сорочку, оставшись такой же обнаженной. У молодой татарки была полная хорошо сформировавшаяся тяжелая грудь с большими пухлыми темными сосками. Не теряя времени, охваченная нежностью к подруге, она бросилась к ней и снова сдавила в жарких объятиях. Она приникла сверху, отвела руки девушки вверх и невероятно жадно поцеловала. В этот момент Ульяна ощутила, как горячие губы раскрывают ее рот, прижимаются плотнее, а потом, как острый язычок слегка коснулся ее зубов, отчего по всему телу пробежала приятная волна наслаждения. Услышав легкий стон, Ася еще плотнее прижалась своей грудью к груди подруги и ногами обвила ее ноги. Ульяна почувствовала, как ее соски сжимаются под натиском давивших на них сосков, а внизу между ног разрастается томление.

— Асенька, остановись, — сонно бормотала Ульяна, в перерывах между жаркими поцелуями, — нельзя, это грех...

— Милая, какой же это грех? Не будет в твоей жизни мужчины — не будет и греха, — молила Ася. — Ведь мы любим друг друга, мы сестры...

Ася ухватила розовый сосок и втянула его в рот. Потом она плотнее прижалась к телу подруги, но та все же попыталась освободиться. — Зачем ты сопротивляешься своим чувствам, любимая моя? Доверься мне. — Со страстью произнесла Ася, продолжая искусно целовать подругу, постепенно спускаясь вниз к груди, животу.

Ульяна закрыла глаза и полностью отдалась во власть своих скрытых чувств и напору подруги. Охваченная начинающей зарождаться страстью, обуреваемая желанием завладеть чувствами любимой, Асия обхватила ногами ее ноги, рука ее метнулась вниз, между их

телами. Описав круг по низу живота Ульяны, она забралась пальчиками в поросль белых мягких чуть вьющихся волос, наблюдая, как девушка вздрагивает под ее ласками.

— Еще, еще, милая, не останавливайся, — стонала Ульяна, вновь и вновь повторяя имя подруги, пока та ловкими нежными пальцами ласкала нежную кожу у самого входа в лоно. Чувства Аси обострились до предела, она желала только одного — доставить наслаждение подруге, доказать свою любовь. Ощущая, что та начинает извиваться, она и не думала о себе и хотела лишь увидеть, как она достигает наслаждения, хотела затмить воспоминание о той ночи с Олегом, когда Ульяна впервые испытала плотское желание. Асе никогда не было ведомо вожделение, никогда ее не посещали мысли о мужчине, овладевающим ее телом. Все что ей было нужно — чтобы Ульяна была всегда рядом. Вскоре та перестала постанывать и, сладко потянувшись, впала в глубокий сон. Ася тоже вскоре заснула, сжимая в объятиях обнаженное расслабленной тело подруги.

Наутро Ульяна не вспоминала о той запретной близости, которую испытала, для нее это была лишь игра, она помнила поцелуи, объятия, но не как переступала ту грань, за которой уже нет просто подруг, а есть возлюбленные.

Прошел почти месяц с того дня. Ася стала чаще оставаться спать в кровати Ульяны, иногда они засыпали, обнявшись, изредка их губы соприкасалась, но лишь на мгновение.

В тот день девушки плескались на речке, Ульяна в почти полностью намокшем платье топала босыми ногами по воде, поднимая миллионы брызг, пока Ася с благоговением всматривалась в изгибы ее тела, в колыхание ее груди, когда та размахивала руками. Вскоре замерзшая Ульяна послала ее в дом за платком и кувшином теплого молока, и Ася направилась к дому. Увидев во дворе оседланную лошадь и, не обратив внимания на богатство сбруи, она решила, что приехал кто-то из работников Любичей. Проходя мимо палат хозяина, девушка замерла, увидев князя. В душе ее тут же зародилось беспокойство, нехорошее предчувствие. Князь приехал один, без предупреждения. Асия незаметно подошла ближе.

— Отдай за меня дочку, Ярослав Андреевич, — говорил князь. — Что хочешь, проси, но отдай. — Дочка у меня одна, Владислав Владимирович, — задумчиво отвечал Любин, — любимая, без матери росла, мира и мужчин не знает. Мала еще.

Князь нахмурился и в отчаянии покачал головой.

— Сколько надо, ждать буду, только...

— Да и не в том дело, — перебил его купец, — кому угодно не отдам. Да и неволить не стану. Коли захочет за тебя выйти, благословлю, коли нет... не обессудь, князь... Неужели полюбила? Или договориться со мной о чем хочешь?

Князь сделал решительный шаг навстречу купцу и сжал кулаки.

— Все у нее будет, шелка, камни, слуги. Княгиней будет. Горя не узнает. Любое желание исполню. От тебя мне ничего не надо, надо было бы, сам бы всю вашу артель к рукам прибрал. А так не трону. Только отдай дочку.

— Как сказал, сама пусть решает. Поговорю с ней, пусть подумает. А если откажет, не серчай, князь, судьба такая.

Князь развернулся и широкими решительными шагами вышел из дома, оставив купца в грусти и задумчивости.

Вечером Ярослав Андреевич остался наедине с дочерью, чтобы поговорить. Этот разговор казался Асе вечностью, она сидела на краю кровати в комнате Ульяны, до боли стиснув пальцы и молилась, впервые в жизни. Когда Ульяна вернулась, она подскочила к ней и

обхватила за плечи.

— Что ты ответила? — выпалила она.

— Что не пойду за него, — тихо произнесла Ульяна, — я его не знаю, я его не люблю. Как же я уеду, от тебя, от батюшки? Что я буду делать одна... с ним?

— Он сделает тебя несчастной, Ульяна, ты будешь мучиться, места себе не находить. Прогони его, он дурной человек.

— Отец говорит, что он меня любит, что я буду княгиней, что лучше мужа мне не найти.

Ульяна резко повернулась к подруге и с мольбой посмотрела на нее.

— Ведь когда-нибудь я выйду замуж, уеду отсюда. И ты тоже...

— Ты обещала подумать... — почти бесслышно прошептала Асия.

В тот момент она почувствовала, что теряет самое важное, что есть в ее жизни. Злость, ревность, обида захватили ее, но лишь на мгновение. В тот момент она поняла, что ей не вернуть то, что было раньше, что рано или поздно между ними появился бы кто-то еще. Так же как и Ульяна она опасалась, что девушка достанется старому некрасивому мужу, что будет страдать. Но теперь Ася опасалась еще больше, ведь Ульяна будет делить ложе с молодым и красивым мужчиной, способным вызвать у нее со временем любовь. И теперь ей придется бороться за то, что ей было дорого.

Ульяна подбежала к ней и обняла.

— Знаешь, я ведь ничего не решила еще, давай забудем о нем на время, будто его никогда и не было. Будем только вместе.

Ася верила, что никакой самый влюбленный мужчина не сравнится с ней, с ее лаской и заботой. ног девушки. Он гладила кожу, зарываясь пальцами в волосы, производя небольшие захватывания. Интуитивно, прислушиваясь к отклику обожаемого тела, она нашла складку над входом в лоно, маленький бугорок, и Ульяна застонала и изогнула тело. Ася начала прогуливаться любящими пальцами по соседству, не забывая все время возвращаться к бугорку. Затем она принялась за нежное изучение половых губ, поглаживая то одну, то другую, приближаясь все ближе и ближе к раскрывшейся дырочке. И вот, наконец, пальчик скользнул по ее увлажнившемуся краю. Половые губки Ульяны налились кровью под напористыми движениями подруги, ее глаза закатились, руки были закинута за голову, с губ срывался непрерывный стон.

Невероятно возбужденная, Ася продолжала ласкать подругу руками и губами, ее охватывало нестерпимое желание проникнуть внутрь ее лона, по настоящему овладеть женским телом, как сделал бы это мужчина. Но она сдерживалась, понимая неотвратимость последствий. Поэтому она просто осыпала ласками вход в лоно подруги, то ускоряя, то замедляя движения, постепенно усиливая нажим.

Ульяна сжимала ее голову и умоляла остановиться. Но Ася продолжала мучить ее своими неутомимыми ласками. Аккуратно язычком отодвигая губки, она покрывала поцелуями её трепещущее, розовое, нежно естество. В это время ее руки продолжали ласкать грудь Ульяны, то поглаживать, то сжимать соски, пока та срывающимся голосом твердила, как любит только ее, Асю, повторяя ее имя снова и снова.

Ася выпустила из тепла своего рта возбужденный и увеличившийся бугорок в зарослях нежных волос и легла на подрагивающее прекрасное тело любимое. Руками она как можно шире развела бедра Ульяны и, выгнув вперед таз, приникла низом живота к ее интимному месту. Упираясь руками в колени девушки, нависая над ней и вглядываясь в прекрасное лицо,

Ася принялась тереться о ее тело. Скрытые переплетением угольно черных и золотых волос, покрытых каплями сладчайших соков, их возбужденные пульсирующие сокровенные места скользили в едином порыве. Ася вжималась в любимую плоть, чувствуя, как ее тело пронизывают молнии, зарождающиеся между ног. Она изгибалась почти яростно, вращая тазом с увеличивающейся скоростью, делая скольжение более неистовым, а давление сильным.

Ася испытала невероятное счастье, когда Ульяна обхватила руками ее спину, опускаясь ниже, пока ее маленькие пальчики не впились в ее ягодицы, притягивая неистовое тело как можно ближе, и Ася вдавилась в ее бедра со всеми силами.

В тот момент Ульяна издала протяжный стон удовольствия, и ее тело стало метаться и изгибаться, стремясь вырваться и освободиться от причиняющих ей теперь мучения ласк. Она попыталась свести ноги, но Ася крепко удерживала ее за колени. И тогда ответная волна удовольствия накрыла Асю, распластав ее измученное тело поверх тела любимой, а Ульяна обхватила ногами бедра подруги, подарившей ей невиданное до сих пор наслаждение.

Обнявшись, поглаживая друг друга, они заснули, а утром Ульяна сообщила отцу о своем твердом решении отклонить сватовство князя.

Шли дни, недели, девушки были близки, как никогда раньше. Они отказывались расставаться даже на час, ни одной ночи они не провели раздельно. Ульяна привыкла засыпать в объятиях Аси, наслаждаться ее заботой и ласками. Иногда она отвечала, осторожно прикасаясь губами к шее Аси, ключицам, изредка обхватывая руками полную грудь.

Боясь в полной мере ответить на ласки подруги, Ульяна в то же время не страшилась проявления своих чувств. Даже за пределами опочивальни она тянулась к ее нежному прикосновению, ее поцелуям.

Зачастую девушки брали лодку и уплывали на середину речки, оставаясь там на какое-то время. Ульяна любила лечь на дно лодки, опустить голову на колени Аси и смотреть на небо, пока та гладила ее волосы и лицо. Постепенно ее руки двигались дальше, пробираясь под сарафан девушки и кончиками пальцев касались ее груди, пока Ульяна наблюдала за проплывающими облаками.

У них было укромное место в конце двора, в тени деревьев, где они с самого детства проводили много времени. Но теперь у них были другие секреты. Они не видели, как в их сторону направился Ярослав Андреевич, желающий поговорить с дочерью. Девушки болтали, Ульяна что-то увлеченно рассказывала, пока Асия гладила ее руку, поднимаясь выше, лаская предплечье, плечо, шею. Купец, оставаясь незамеченным, наблюдал за ними, а потом развернулся и ушел.

Тем же вечером он вызвал дочь в свои комнаты и сообщил ей, что отправил человека к князю Владиславу с сообщением о том, что он отдает за князя свою дочь. Никакие отказы, уверения и слезы дочери не могли заставить его поменять решение. Он заявил, что Ульяна уже взрослая девушка, и ей пора стать женой, а супруга лучше ей не найти. Она будет богата, знатна, любима. Когда у нее появятся дети, она забудет всю дурь, все капризы.

На следующий же день Любин велел готовить свадьбу, приданое. А к вечеру приехал сам князь, и Любин оставил его наедине с дочерью. Князь говорил ей, как счастлив, как влюблен, он привез ей дары — драгоценные камни и украшения. Он держал ее за руки, подносил к губам ее ладони и целовал. Тогда Ульяна приняла решение своего отца, подтвердив князю

согласие стать его женой.

— Но у меня есть просьба, — сказала она покоренному мужчине, — я возьму с собой Асю, самого близкого мне человека, я знаю ее с детства, мне будет плохо без нее.

— Все, что пожелаешь, сейчас и потом.

Узнав о просьбе дочери, Любин попытался отговорить князя, но тот прервал его, заявив, что дал обещание, и купцу ничего не оставалось, как только убедить князя быть осторожным со скрытной татаркой.

Свадьба состоялась через месяц во владении Владислава. Любин запретил Асе присутствовать на пиру, дав ей понять, что если он услышит хоть одну жалобу на нее, вернет и заперет до смерти. Асия просидела весь день и вечер в своей комнатке в новом доме, обхватив колени, до боли сжав кулаки, ненавидя все и всех. К ночи ей стало совсем плохо, она еле сдерживалась, чтобы не начать крушить все вокруг, громко воя и крича. Тем временем Ульяну проводили в опочивальню мужа и помогли снять свадебный наряд.

Девушка осталась стоять посреди незнакомой комнаты в одной белоснежной сорочке, пока не пришел Владислав. Он появился на пороге спальни, и она невольно сделала шаг назад. Он молча стоял напротив жены и не отрывал взгляда от ее лица. Ульяна так же не сводила с него глаз, внешне она была спокойна, но в ее голове проносились миллионы мыслей. Она вспомнила все, что говорила ей Ася, внушая отвращение к мужчинам, все ее поцелуи, ласки. Сейчас ей казалось, что земля вот-вот уйдет из-под ног, и она упадет.

Князь двумя большими шагами подошел к ней и обхватил за талию. Но мгновение спустя его бережная поддержка превратилась в крепкое чувственное объятие, его губы обхватили ее плотно-сжатые уста. Он снял ее длинную рубашку и разделся сам, теперь они обнаженные стояли друг перед другом, невероятно близко, минуту спустя его руки снова оказались на ее талии, но теперь чуть ниже, почти на бедрах, они крепко сжимали ее. Ульяна смотрела в его глаза, боясь перевести взгляд куда бы то ни было, даже когда его руки ощупывали, ласкали ее тело, легкими движениями пробегая по груди, животу, пока не обхватили ягодицы и придвинули девичье тело к своему. Тогда она ощутила его поднявшийся орган, он упирался ей в низ живота. Когда-то также в нее упиралось мужское орудие Олега. Ульяна разомкнула губы, провела по ним языком, во рту все пересохло, ее глаза закрылись, она боялась узнать, что таится за той гранью, к которой подвела ее Ася. Владислав накрыл ее рот своим и принялся целовать ее губы, сначала осторожно, слегка касаясь, пока она не ощутила, как его рот вминается в ее. Рукой он обхватил затылок жены и не давал ей шевельнуться. Его поцелуи, казалось, длились вечно, его твердые губы с силой обхватывали ее, сминая их, Ульяна ощущала жар его дыхания.

Со всей страстью князь сильными руками сжал ее плечи, слегка приподнимая ее так, что она вынуждена была встать на цыпочки, и его рот скользнул ниже по шее, впиваясь в ключицы, плечи, оставляя за собой влажный горячий след. Девичьи соски по очереди погрузились в тепло его рта, он перекачивал каждый языком, посасывая, обхватывая губами. Владиславу нелегко было оторваться от столь желанного тела, но он сделал над собой усилие, чтобы подхватить Ульяну под колени и на руках отнести к супружескому ложу. Он опустил ее на покрывало и лег рядом. Ульяна лежала, не шелохнувшись, крепко сомкнув веки, она тяжело дышала, ожидая и одновременно опасаясь его прикосновений. Его руки и губы хотели познакомиться с каждым уголком ее плоти, и когда его ладонь, проделав путь, легла на внутреннюю поверхность бедра, она слегка раздвинула ноги. Ей казалось, что сейчас он

окунет в нее пальцы, как это пыталась делать Ася, но Владислав лишь поглаживал нежную кожу вокруг входа в лоно жены, слегка надавливая и прихватывая пальцами вьющиеся светлые волоски.

Он больше не собирался сдерживаться, встал на колени между ногами Ульяны, которая наконец открыла глаза и, опустив их, наблюдала, как он поглаживал рукой свой вздернутый вверх орган. В тот момент ей стала безумно страшно. Она захотела вернуться к нежным ручкам Аси, доставлявшим ей столько блаженства, внушавших ей чувство безопасности. Ласки мужчины, которых она когда-то так жаждала, находясь в объятиях Олега, сейчас пугали ее. Она с ужасом представила, как мужской орган, окруженный у основания густой порослью черных волос, проникнет в ее лоно, как его тело прильнет к ее телу, как его кожа будет скользить по ее коже, пока он будет погружаться в нее, как его семя выплеснется в нее и впитается плотью. Ульяна повернула голову набок как можно дальше, чтобы не видеть мужа, быть дальше от его взгляда, его губ. Пальцы ее рук, вытянутых вдоль тела, сжались в кулаки, когда головка его органа уперлась в напряженные мышцы ее лона. Владислав не спешил, его движения были медленные и осторожные. Головка его органа вдавилась в ее тело и в одно мгновение проскочила внутрь, заставив Ульяну вздрогнуть и издать сдавленный глухой звук. Дюйм за дюймом его орган прорвался внутрь нее на всю глубину, на мгновение замер и ринулся наружу. Ульяна зажмурилась от прорезавшей ее боли, ее замутило. Князь опустил свое тело на нее, вжавшись в нее бедрами и низом живота, повернул к себе ее голову, поцеловал глаза, щеки, подбородок, он пытался утешить ее лаской, просил простить его и еще немного потерпеть. Его орган с большим трудом, не спеша скользил по стенкам ее сжавшегося изо всех сил лона, его руки протискивались под ее лопатки и обхватывали за плечи, так он не позволял ее телу ускользать от его выпадов, снижая сопротивление лона.

Ульяна кожей ощущала влагу после его поцелуев, она пыталась представить, будто это Асины губы ласкают ее кожу, но у нее не получалось, все мысли сводились к ощущениям между ног, и она просто ждала, когда все закончится. Движения Владислава изменились, они стали менее плавными и более быстрыми. Когда девушка уперлась руками в его грудь, готовая попытаться оттолкнуть доставляющее ей боль тело, князь прижался к ней сильнее, почти придавливая своим телом, его бедра дернулись несколько раз, орган изверг в женское тело поток семени. Он совершил еще несколько последних рывков, и Ульяна явственно ощутила, как его семя выдавливается его органом и размазывается по ее ляжкам.

Успокоившийся, удовлетворенный, излившийся в обожаемую супругу, князь перекатился на спину рядом с ней, одна его рука все еще была под ее спиной. Ульяна приподнялась, ее взгляд упал на низ его живота — она видела, как его мягкий член покоится на его больших яичках, черные волосы вокруг покрыты белыми хлопьями и едва заметной кровью. Она снова откинулась на спину, ее ноги были по-прежнему разведены, она опасалась соединить их, боясь ощутить ту же влагу на своей коже. Если бы она могла сейчас помыться, если бы Ася была рядом, все осталось бы позади. Ульяна закрыла глаза, чтобы ненадолго заснуть, в объятиях супруга, на его ложе.

Прошло несколько дней, Ульяна осваивалась в новом доме, к ней относились как к хозяйке, она стала привыкать к своему новому положению. Она много времени проводила на людях, лишь изредка оставаясь с Асей наедине. Владислав занимался важными делами в соседней слободе, иногда он приезжал посреди ночи. Он делил ложе с молодой женой, но намеренно не прикасался к ней последующие несколько ночей, хотя Ульяна видела, с каким желанием

он осматривал ее тело, скрытое ночной рубашкой. Как объясняла ей когда-то тетка, любящий муж будет беречь жену после первой супружеской ночи, даст ей время прийти в себя. Но ни один мужчина не будет ждать вечно.

В их спальне было прохладно, была середина осени, вокруг кровати горели несколько свечей, они давали совсем немного света, да и тепла от них было едва. Князь и княгиня сидели обнаженные друг напротив друга на белых простынях, ее колени были разведены в стороны его коленями, он откинул ее длинные волосы с плеч, открывая грудь. Его большие пальцы очертили круги вокруг ее сосков. Он наклонился и по очереди поцеловал их, слегка прикусывая, потом перешел к губам, крепко впиваясь в них. Он обхватил ее плечи и опрокинул на спину, не отрываясь от нежного рта. Охваченный желанием и любовью Владислав не замечал напряжения на лице жены, его взгляд уже был прикован к ее прекрасному молодому телу, кончиками пальцев он проводил по ее шее, груди, уделяя большое внимание розовым соскам, которые вскоре затвердевали от его настойчивых прикосновений. Потом он стал опускаться ниже, проводя по животу, глядя ладонью кожу, пока пальцами не зарылся в тонкие светлые волоски между ногами. Ульяна вздрогнула, Владислав на мгновение поднял на нее глаза, чтобы потом снова сосредоточиться на своем исследовании. Он просунул ладонь глубже, пальцами нащупывая вход и проникая внутрь в тугое лоно. Он стал ласкать жену изнутри двумя пальцами. Тело Ульяны предало ее, разум призывал воспоминания о прикосновениях Аси, а тело начинало постепенно изгибаться навстречу мужским прикосновениям. Ей казалось, что его пальцы теперь легче и проворнее скользили внутри ее тела, он проталкивал их глубоко.

— Любимая, желанная моя, — шептал князь, приближая к ней свое лицо и всматриваясь, пока его ладонь возбуждала ее естество. Ульяна почти теряла сознание, ей хотелось, чтобы он никогда не выпускал из тепла своего рта возбужденные горошины на вершинах ее груди, и теперь ей было мало рук на своем лоне.

— Люби меня, возьми меня всю, без остатка, — в тот момент, когда образ Аси покинул ее разум, Владислав вытянул из нее руку, и негибемый горячий мужской орган аккуратно вошел в нее. Через мгновение их животы прижимались друг к другу, чтобы снова отдалиться и тут же рвануть навстречу. Орган все легче скользил внутри Ульяны, раздвигая на своем пути влажные стенки, сминая все преграды, завоеывая территорию. Основание ствола прижимало женский возбужденный буторок, посылая волну дрожи по всему телу. Ульяна не могла двигаться, она лишь дышала в такт с его выпадами, она была не в силах даже стонать от нахлынувшего блаженства. Князь слегка отодвинулся от жены, притягивая ее бедра, изгибая ее поясницу, широта его движений достигла предельной величины, и головка полностью выскочила из ее лона, но тут же легко нашла жаждущее отверстие, чтобы снова погрузиться в его теплую влагу. Она не знала, что можно испытывать такое наслаждение, такое блаженство. Она распахнула глаза, крепко обвила руками овладевающего ею супруга, пока он снова придавливал ее к ложу и извергался как можно глубже. Одной рукой он удерживал свой вес, поставив ее рядом с прекрасным лицом Ульяны, а второй захватил ее грудь и нежно сжал. Блаженство удовлетворения еще долго удерживало в плену Ульяну, она позволила ему найти свои горячие губы и обнять крепко, почти до невозможности дышать. После он гладил ее волосы, шептал слова любви и благодарности.

По ночам, лежа в объятиях мужа, Ульяна размышляла о том, какие чувства уживаются в ней. Она испытывала зависимость от того чувства, которое дарило ей тело мужчины, чувства

наполненности горячей твердой плотью, ощущения его крепких властных объятий, большой и сильной ладони, почти до боли обхватывающей ее небольшую грудь. Владислав полностью владел ее телом, не давая ей шевельнуться, ускользнуть от него, когда она начинала извиваться под его напором. Когда ее лоно, доведенное до изнеможения, сжималось так сильно, что его органу остановилось тяжело наносить ей удары, князь обхватывал ее за плечи и вдвигался как можно глубже в ее плоть, давая ей время успокоиться. Любила ли она его? Нет. Она хотела соединения их тел, она позволяла ему любить себя, овладевать своим телом, даря плотское наслаждение. Вид его поднявшегося отвердевшего органа посылал невероятные ощущения ее телу, будя сильнейшую жажду между ног.

Да, Ульяна любила его тело, но дороже всего ей была Ася. С Владиславом она получала наслаждение плотское, с Асей плотское и душевное.

По утрам она всегда приходили в комнату Аси, обнимала ее и целовала. Но вокруг, в доме всегда было много людей, они опасались, что их застанут, и позволяли себе лишь мимолетные касания. Асия готовила ей отвары из добытых ею трав, и Ульяна послушно их принимала, опасаясь понести. Под внушением подруги, она испытывала страх перед беременностью, родами, а также ей не хотелось лишать себя наслаждения любовью, которую дарили ее телу Владислав и Ася. Поднося отвар, Асия нежно гладила любимую по плечам, шее, обещая ей счастливую жизнь, полную удовольствия и неги, не говоря о том, какой страх испытывает на самом деле. Страх, что ребенок свяжет Ульяну с ее мужем, что навсегда вырвет девушки из ее объятий. Ведь видеть Ульяну с животом означало бы признать то, что она принадлежит мужчине.

Первая ночь им была подарена лишь спустя полтора месяца после свадьбы, когда князь уехал в Киев. Он хотел было взять с собой жену, но Ульяна сказала больно. Владиславу было тяжело с ней расставаться, но она обещала скучать по нему и ждать его возвращения.

В ту же ночь Асия осталась в спальне князя и княгини. Как только дверь была заперта, Ася схватила ее за руку и потянула за собой к кровати, попутно снимая с нее и себя одежду. Полуобнаженные, они остановились около кровати и принялись жарко целоваться. Ася обняла бедра княгини и принялась их жадно оглаживать и сжимать. Нижняя сорочка было поднята до талии, пока смуглые руки обхватывали крепкие ягодички Ульяны, притягивая ее тело к телу Аси, ее язык скользил по губам и подбородку любимой.

— Милая моя, как же я скучала по тебе, — охрипшим голосом шептала Ася, — как соскучилась. Я почти забыла ощущение твоих губ, твоей кожи.

Обе девушки испытывали неземное блаженство от соприкосновения тел. В нетерпении Ульяна откинулась на кровать, и Ася склонилась над ней, не отрывая от нее губ, и, обхватив грудь, придавила к ложу. Оказавшись наверху, Ася принялась с жадностью ласкать белоснежное тело.

Ульяна чуть вскрикнула, когда подруга попыталась укунить ее за плечо, и тут же рассмеялась. Ася была словно голодный зверь, дорвавшийся до столько необходимого ей тела. Ее ласки были почти насильными, Ульяна несколько раз попыталась противостоять натиску, пока раскаленное до предела тело не оказалось на ней, прижимаясь каждой клеточкой, придавливая всем весом, и Ася не впиалась в ее губы.

Их любовью еще никогда не была такой неистовой, их губы судорожно касались всего, до чего могли дотянуться, — лиц, рук, плеч, грудей. В какой-то момент Ася приподнялась над Ульяной так, что ее крупные темные соски лишь слегка касались ее груди. Она плавно

покачала ими, лаская острыми наверхиями грудей соски девушки, возбуждая их еще больше. Она чувствовала трепет и возбуждение своей любимой. Она также испытывала жажду и желала немедленно ее утолить.

Ульяна обхватила спину Аси и нежно ласкала ее своими ладонями, пока не достигла ягодиц. Крепко сжав их пальцами, она заставила Асю опустить бедра. Та, в свою очередь, сделала несколько толчкообразных движений, как должен был делать это с ней Владислав, но соприкосновение двух возбужденных разгоряченных лон лишь разжигало поглощавшую их страсть.

Схватив ртом сосок Ульяны, Ася провела рукой по животу любимой вниз. Нащупав маленький холмик, она позволила своим пальцам опуститься дальше и скользнуть внутрь. По телу Ульяны пробежала волна, а Ася наслаждалась видом тяжело вздымавшейся прекрасной груди. Это зрелище заставляло ее возбуждаться еще больше, и она продолжала скользить пальчиком, овладевая им глубинами лона Ульяны, то с силой лаская стенки, то толкая их глубже мощными ударами.

В это время их губы целовали друг друга, пока рука чуть приподнявшейся Ульяны не потянулась к животу Аси, опускаясь все ниже, где неуверенными движениями попыталась проникнуть к самому потаенному месту. Ася чуть отстранилась, прислушиваясь к новым ощущениям. Как только нежные пальцы приникли к входу в ее девственное лоно, она крепко прижалась промежностью к ноге любимой, зажимая ее руку, и сильнее стала скользить пальцами в истекающем соками лоне Ульяны. Через несколько секунду тела обеих девушек начало трясти, у них перехватило дыхание, и они замерли, чуть отстраняясь друг от друга.

Уставшие и счастливые, они отдыхали на супружеском ложе, пока обе не погрузились в крепкий сон. Никто из них не слышал, как близкий друг князя, воевода Кирилл Галябин, зашел в комнату и несколько минут смотрел на крепко обнявшихся обнаженных женщин. Какое-то время назад он проходил мимо княжеских покоев и, услышав тихие голоса и стоны, подошел к двери спальни и приоткрыл ее, став свидетелем пика любовных игр княгини и черноволосой служанки.

Близкий друг князя, верный ему во всем, Кирилл Федорович не стал придавать большого значения увиденному, не стал он и сообщать другу о том, как проводит время его жена в его отсутствие. Застань он в княжеской постели мужчину, он поступил бы иначе.

Он мог бы забыть о том, невольным свидетелем чего он стал, если бы в то утро ему не встретилась Асия. Он всмотрелся в гордую статную молодую татарку, окинувшую его презрительным взглядом. Она прошла мимо, неся кувшин с водой в комнату княгини.

— Ты хорошо заботишься о своей госпоже? — бросил он ей вслед.

Асия остановилась и медленно обернула голову через плечо, обжигая его взглядом черных глаз.

— Она, небось, скучает по супругу. Одиноко ей в большой, холодной постели? Почему бы ей не поехать в Киев следом?

— Ульяна Ярославовна сама знает, что ей лучше. И уж я позабочусь о ней лучше, чем кто-либо. А вы езжайте к князю, да не торопитесь назад.

Оглядевшись по сторонам, воевода ринулся к высокомерной девке и, схватив ее за руку, вытолкнул в соседнюю комнату, закрыв за собой на засов дверь, оставив в коридоре разбившийся кувшин.

Они стояли друг напротив друга. Кинув на него озлобленный взгляд, Асия кинулась на него с

кулаками, но крупный высокий мужчина одним ударом сбил ее с ног. Когда она повалилась на пол, он наклонился и за плечо поднял ее, как мешок, толкнул к деревянному столу и повалил на него грудь.

Рукой он упирался в ее спину, пока Ася пыталась вырваться и выпрямиться. Раззадоренный и разъяренный, Кирилл навалился на девушку сверху, прижавшись к спине, и укусил за плечо, заставив ее вскрикнуть. Покусывание перешло в страстный поцелуй в шею, спину. В это время он своими сильными ногами заставил ее расставить ноги шире, одной рукой он приподнял подол ее платья, пока другой рукой упирался в ее лопатки, прижимая ее тело к поверхности стола.

Асия пыталась вырваться, что было сил, неловко она старалась схватить его свободной рукой за волосы, вцепиться в лицо, но мужчина держал ее крепко, так, что она не могла поднять голову. Он жадно впивался губами в ее шею и плечи, пока девушка сопела и тяжело дышала.

Он оторвался от нее только, чтобы расстегнуть брюки, раздвинуть створки ее половых губ и приставить мощный возбужденный орган к входу в ее лоно. Асия в ужасе замерла. — Ты думаешь, что можешь заменить мужчину? — пропыхтел Кирилл в ее ухо. — Ошибаешься, сука, я покажу тебе, каким должен быть мужчина.

Когда он начал надавливать головкой органа на ее вход, Асия очнулась и закричала, она забилась так, что он чуть не выпустил ее, но Кирилл слегка двинул ей кулаком в лицо, и у нее перед глазами все закружилось. Он навалился на нее всей своей тяжестью и начал протискивать орган внутрь. Он сделал рывок, но орган как будто застревал в девственном теле, но он повторял рывки, постепенно пробиваясь внутрь. Во время этих усилий он не заметил, как прорвал девственное кольцо, а Асия беззвучно раскрыла рот и забилась в агонии, ее широко распахнутые глаза налились слезами, когда все внизу живота взорвалось острой болью.

В конце концов, Кирилл проник своим органом до упора. Это стоило больших усилий, он вспотел и запыхался, но останавливаться был не намерен. Вытащив немного свое орудие, он нанес первый удар вглубь, потом второй. Несмотря на боль от тугого проникновения, от натягивающейся кожицы на стволе органа, он двигался в юном теле быстрее и быстрее.

Кирилл всматривался в прижатое к столу щекой лицо Асии, стараясь запомнить это выражение, пока совершал бедрами рывки, натирая свой орган тугими стенками в девичьей плоти. Асия обессилела, обмякла и больше не сопротивлялась — она только хотела, чтоб этот кошмар скорее закончился. Мужчина остановился, чтобы отдышаться, он убрал руки и перестал удерживать ее тело.

Животная страсть овладела Кириллом, он был словно кобелем, покрывающим свою суку, он наклонился и ухватил ее зубами за плечо, в тот момент все его мысли были сконцентрированы на плотно охватившем его орган лоне смуглой красавицы. Он продолжал насиловать ее молча, слушая ее постанывания. Асия не заметила, как Кирилл начал учащенно дышать, потом застонал и стал изливаться в нее.

Чувство победы и облегчения наполняло воеводу, когда теплое густое семя заполняла лоно девушки. Закончив, он остановился, ему нравилось ощущение как ее нутро плотно обхватывало его орган, судорожно сжимаясь и разжимаясь. Когда возбуждение спало, он вытянул окровавленный орган из нее и заправил его в брюки. Он опустил ее платье, прикрыв ее наготу.

— Теперь ты женщина, — устало сказал он, — настоящая женщина. И, как у женщины, у тебя

никогда не будет такой вот дубины. Если тебе понравилось, приходи, я многому научу тебя. А к княгине больше не лезь, иначе убью.

Когда он вышел, Асия попыталась подняться, но у нее затряслись ноги, и она снова легла на стол. Каждое движение отдавалось острой болью между ног. Она была изнасилована, завоевана мужчиной.

Асия долго не могла прийти в себя, несколько дней ее душили слезы, от злости и обиды тряслись руки. Она с трудом садилась и ходила, но не позволила кому-либо узнать о том, что произошло. Она отклоняла ласки Ульяны, которыми та одаривала ее поздними вечерами, укладываясь спать. Свои отказы она списывала на недомогание, на опасение быть застигнутыми. И Ульяна, сначала обеспокоенная странным поведением подруги, вскоре перестала пытаться расспрашивать ее о причинах охлаждения. Асия заверяла ее в своей безграничной любви, но отказывалась делить с ней ложе и предаваться взаимным ласкам.

Ульяна переживала из-за таких перемен, она боялась, что сделала что-то не так, что чем-то обидела Асю, но она не знала, как выяснить причину равнодушия. Ночами, лежа одна в большой постели, она призывала воспоминания о нежных руках любимой на своем теле, о ее жарких губах на своих губах. Вместе с тем она будто в реальности ощущала скольжение твердого нескгибаемого органа в своем лоне. В такие минуты Ульяна широко разводила ноги, собирая между ними одеяло, и обхватывала его бедрами, представляя перед глазами то колышавшиеся груди Аси, то мощные плечи Владислава. Она провела в одиночестве почти десять ночей, пока поздно вечером не вернулся князь. Она уже была в постели, когда услышала за окном шум и постучавшаяся служанка не известила ее о его приезде.

Когда князь вошел в спальню, его уже в нетерпении встречала жена. Ни слова не говоря, она закрыла дверь и обняла его. Почувствовав нежность и тепло любимых рук даже через одежду, Владислав тут же начал целовать ее в губы, в шею, гладить ее спину, ягодицы. Она отвечала ему со страстью, шепча ему на ухо: «Милый, как же я скучала!». Во время жарких объятий князь освободил ее тело от ночной рубашки и сам разделся по пояс. Ульяна прижалась к нему всем телом как можно крепче, пока не почувствовала упругий орган, выпирающий через одежду.

С неловкостью во взоре взглянув на мужа, девушка сама расстегнула застёжку его брюк и приспустила их. Владислав тяжело дышал, ощущая как нежные руки слегка касаются его восставшей плоти, высвобождая ее, усиливая его напряжение. Чувствуя, что больше не может сдерживаться, князь подхватил жену под ягодицы, приподнял ее и понес к кровати. Он почти бросился вместе с ней на перины, прижимая ее тело к мягкой поверхности.

— Скажи, что любишь меня, — охрипшим от возбуждения голосом произнес князь, нависая над ней, его лицо так близко от ее лица, его темные глаза не дают ей отвести взор, его бедра между ее разведенных ног.

— Люблю, — прошептала Ульяна, крепко обнимая его за плечи и действительно веря в тот момент в то, что говорит, — никто кроме тебя мне не нужен.

Его губы тут же нашли ее рот и жадно впились в него. Ручки Ульяны скользили по его телу, по плечам, спине, пояснице, крепко обнимая и прижимая к себе, иногда они проскальзывали к его ягодицам, забираясь под приспущенные брюки. Тогда Владислав усилием воли заставил себя отстраниться от жены и, не отрывая от нее взгляда, избавился от остатков одежды.

Наблюдая за его движениями, Ульяна приподнялась и встала на колени, а когда Владислав снова потянулся к ней, уперлась рукой в его плечо и уложила его на спину, а сама, перекинув

ногу, оказалась сидящей сверху.

Ее ноги обхватывали его бедра, ее грудь покоилась на его груди, ладонями она обхватывала его лицо, целовала в губы. Руки Владислава обхватили ее юное тело и стали ласкать его легкими прикосновениями, постепенно становившимися более страстными. Ульяна чувствовала, как его ладони оглаживают ее упругие ягодицы, впиваясь в них пальцами, как его губы с жадностью отвечают на ее поцелуи, тянутся за ней, когда она отстраняется, чтобы вздохнуть и взглянуть в его лицо. Она чуть повела бедрами, прислушиваясь к ощущению твердого упругого органа между складками своего интимного места, и тогда руки Владислав сильнее прижали ее бедра к своему телу, а его пальцы скользнули между ее ягодицами, проникая к входу в ее лоно.

Одной рукой он стал нежно поглаживать кожу между ее ног, иногда проникая пальцем в глубину ее тела, чувствуя ее влагу. Другой рукой обхватил ее шею, не давая ей отстраняться, пока его губы обхватывали ее рот, опалаясь ее жарким дыханием.

Ульяна уже вся трепетала, ее бедра сами насаживались на пальцы супруга, пока он не заставил ее чуть приподняться и не ухватился за свой орган, поднимая его и направляя в цель. Тогда она стала медленно опускаться, вбирая в себя могучий стержень.

Ульяна чуть отстранилась от мужа, оперевшись согнутыми руками в его грудь, глядя ему в глаза, насаживаясь на его орган, подстраиваясь под его ритм и движения. Иногда она вращала бедрами, иногда скользила вверх и вниз по его животу, то вбирая орган в себя целиком, то позволяя ему почти выскользывать. Они двигались навстречу друг другу, пока силы перевозбужденной длинной разлукой Ульяны не иссякли. Поддерживаемая сильными мужскими руками, она просто положила голову на плечо Владислава, прижавшись к нему грудью и животом, дыша ему в шею, пока он бедрами наносил яростные удары вглубь ее лона.

Ульяна закрыла глаза и начала стонать при каждом его выпаде, все громче и громче, пока по ее телу не пробежала судорога, а Владислав не замер на мгновение, сжимая ее сильнее в своих объятиях. Но лишь на мгновение, после которого его мощные бедра рванули вверх, отрывая их соединенные тела от постели, впиваясь органом в глубину тела жены до упора, изливая свое семя. Ульяна вскрикнула и вся сжалась. Владислав снова опустил напряженные ягодицы на перину, крепко обхватывая руками Ульяну за плечи и за бедро, ощущая, как ее лоно судорожно сжимается вокруг его излившегося органа. Еще несколько неглубоких движений, и Владислав покинул тело любимой, позволяя своему семени вытекать из ее недр. Затем он поднял умиротворенное лицо Ульяны и поцеловал ее в губы. Она открыла глаза, и он поцеловал ее еще раз. Затем аккуратно повернулся с ней на бок и начал очень нежно пересохшими губами целовать ее лиц, пока рука его гладила ее бедра, по-прежнему обхватывающие его талию.

Со временем Ульяна все сильнее привязывалась к телу супруга, к плотскому наслаждению, разделенному с мужчиной. Она с нетерпением ждала ночей, в которые Владислав со страстью овладевал ее плотью, томилась, когда его не было рядом. Он иногда отлучался, ездил в другие города, но не брал Ульяну с собой. Однажды она попросила не оставлять ее одну, но он объяснил, что не хочет, чтобы она ездила верхом, или чтобы была лишена удобств. И поскольку его отсутствие теперь носило непродолжительный характер, а их встречи после разлуки наиболее пламенными, девушка соглашалась ждать.

Ее отношения с подругой стали налаживаться, Асия постепенно приходила в себя,

становилась менее хмурой, ее тело больше не хранило на себе следы мужского насилия, да и плод его семени был вытравлен из ее живота. Видя, что татарка держится на расстоянии от своей госпожи, Кирилл Галябин ослабил присмотр за княгиней и ее служанкой. Но его мысли то и дело возвращались к пышному молодому телу, распростертому под ним, сдающимся под его натиском. Он боролся с искушением войти в ее комнату ночью или явиться во время ее купания и вонзить свой орган до основания между ее разведенных ног. Раньше воевода сопровождал князя, но теперь чаще оставался в княжеском доме в Суздале заниматься делами в его отсутствие.

Ася избегала встреч с ним, она знала, в какой части дома его можно встретить, она редко выходила за пределы женской части палат, в которой руководила Ульяна, редко выходила в город, только за самым необходимым. И если раньше она больше времени укрывалась в своей комнате, то спустя месяц, стряхнув с себя ношу учиненного над ней насилия, истосковавшись по обществу Ульяны, теперь практически не покидала ее покои.

Она снова взяла в свои руки наряды княгини, ее времяпрепровождение, развлечения, встречи гостей, прогулки, питание. Все, что было связано с окружением и жизнью княгини, происходило под полным контролем Аси. Любая служанка, старавшаяся особо угодить княгине, оказаться нужной и незаменимой, тут же отстранялась; внимание, привязанности и симпатии Ульяны ревностно оберегались. Девушка не давала себе отчета в том, что ее жизнь теперь полностью контролируется подругой, которая теперь старалась оказывать влияние на ее решения.

Асия старалась настроить княгиню против тех, кого считала угрозой для себя и своих отношений с любимой. Даже со своим отцом в его редкие приезды Ульяна стала вести себя очень сдержанно, вспоминая лишь о том, как после ее замужества он стал сурово отзываться о ее подруге, при этом забывая, что долгие годы он проявлял об Асе заботу, какую мало кто будет проявлять к чужому человеку.

Но главным врагом девушки был Владислав. Она находила в себе все меньше сил мириться с чувствами Ульяны к нему. Она могла бы отравить его, ей не составило бы труда пронести яд в покои князя и княгини, но она осознавала, что овдовев, не будучи матерью наследника, Ульяна снова будет выдана замуж, и неизвестно, как сложатся ее отношения с супругом, и будет ли Асе место в ее новой жизни. Владислав тепло относился к близкой подруге обожаемой жены, хотя все же воспринимал ее исключительно как служанку, и его не смущало ее постоянное присутствие при Ульяне.

— Почему он не берет тебя с собой, когда уезжает? Даже когда едет недалеко? — спрашивала Ася, намывая волосы подруги. — Я знаю, каковы мужчины. Им всегда мало одной женщины, они всегда оставляют жен дома, пока развлекаются с блудливыми девицами. Он князь, он может получить любую.

Девушки мылись в большой купальне, наполненной горячей водой, Ульяна сидела на коленях, пока стоящая за ней по пояс в воде Ася мыла ей волосы. Как всегда она слушала все, что хотела сказать ей подруга, пытаясь верить ее словам, несмотря на то, что они заставляли ее грустить. Она пыталась представить, как Владислав делит постель с другой женщиной, как целует ее, обнимает. Она не испытывала страдания и боли, но она ревновала его тело, которым не хотела делиться. Будто боялась, что другая лишает ее того пыла, которым он мог бы насыть ее.

— Ты не должна расстраиваться, милая, — Ася наклонилась к ней и обняла за шею,

прижавшись губами к ее макушке, — мужчины не стоят того. Он тебе не нужен, пусть уходит. Промыв волосы Ульяны, Ася помогла ей подняться и стала намыливать ее спину, плечи, спускаясь к крепким бедрам, скользя по ягодицам, скрытым пенной водой. Она обвила руками тонкую талию княгини и принялась гладить ее живот.

— Он нужен мне, Ася, — прошептала Ульяна, — я привыкла к нему. Я хочу его. Знаю, что тебе неприятно это слышать, но та любовь, что между нами, — она обернулась и притянула Асю к себе, обвив ее шею руками, — не такая же, какую внушает мне он. Вы оба дороги мне, милая. Ульяна губами приникла к губам Аси, ее руки переместились на талию девушки, крепко обхватывая ее ладонями.

Прижавшись к любимым губам, Ася крепко обхватила намыленными руками ее ягодицы и сжала их, притягивая ее бедра к своим. Захваченная долгожданным поцелуем, Ульяна позволила Асе протолкнуть кисть между ее бедер и чуть расставила ноги, отдавшись ощущениям нежной мягкой ладони, легко скользящей по половым складочкам, сжимающей их и оттягивающей. Ей очень хотелось ощутить длинные пальчики в своем лоне, и Ася не заставила себя умолять.

— Я люблю тебя, Ася, люблю больше всех на свете, — в экстазе шептала Ульяна, сдаваясь под натиском ласкающих ее рук, ее поднятая нога прижималась под водой к бедру Аси, давая той возможность глубже проникать в ее тело, — Я бы все отдала за то, чтобы всегда быть с тобой. Мне никто больше не нужен.

Ульяна еле стояла на ногах, возносимая к вершинам удовольствия, одной рукой она схватилась за кисть Аси, не давая ей покинуть свое тело, другой сжимала темные густые волосы, притягивая любимое лицо ближе, чтобы целовать ее губы. Но никакие жаркие поцелуи не могли подавить ее вскрики наслаждения.

Когда все было кончено, девушки окунулись полностью в воду, Ася поддерживала обессиленную любимую, счастливая тем, что снова смогла доставить ей наслаждение. Успокоившись, но все еще на дрожащих ногах девушки покинули купальню. Асия обернула Ульяну льняной тканью, промокнув ее тело от влаги, вытерлась сама и повела ее одеваться. Обнимая любимую и целуя ее в плечо и шею, Асия провела ее в комнату, где была готова чистая одежда для обеих.

Ульяна первая заметила непрошеного гостя и растерянно замерла. Ася взглянула на стоящего на пороге воеводу Галябина и загородила собой госпожу.

— Как ты смеешь заходить сюда! — Крикнула она, стоя перед ним обнаженная, но с гордо поднятой головой. — Знаешь, что сделает князь, когда узнает, что ты врываешься в покои княгини?

Кирил с невозмутимым видом стоял в нескольких шагах от нее, пока его взгляд блуждал по ее влажному телу, от тонкой шеи, к чуть свисающим под своей тяжестью налитым грудям, к пучку темных волос между ног.

— Я знаю, что сделает князь, когда узнает, как проводит время его жена, пока его нет, — бесстрастным голосом ответил Кирилл, — как безродная девица занимает его место в его постели. Я ведь предупреждал тебя.

Кирилл внезапно сделал несколько шагов вперед, ухватил Асю за руку и швырнул на пол. Ася больно ударилась спиной о комод, вскрикнула и начала брыкаться, когда он навалился сверху. Тогда он ударил ее по лицу, как в первый раз. — Пожалуйста, не надо, — умоляла испуганная Ульяна. Она крепче прижала к себе простынь, в которую была закутана, и

двинулась к ним, намереваясь помочь любимой, но воевода бросил на нее такой страшный взгляд, что она замерла.

Кирилл придавил Асию к полу, повернув на спину. Он чувствовал, как упирается его поднявшийся орган в ее извивающиеся бедра. Он прижался к вожделенному телу, хватая ее полные колыхающиеся груди и крепко сжимая их.

Он подумал, до чего же она красива. Ее длинные густые волосы раскинулись по полу, несколько прядей на лице, а большие черные глаза заполнились ненавистью. Он наслаждался ощущением извивающегося женского тела, чувствовал каждую выпуклость и запах мыла и ее пота. Она все еще пыталась сбросить его, но силы ее иссякали.

Когда головка его органа коснулась мягких бедер Аси, Ульяна закричала: «О нет, боже, не надо».

Ася из оставшихся сил извивалась, стараясь ускользнуть от мужского органа, но это только сильнее заводило мужчину. Он с силой надавил, ее тело конвульсивно дрогнуло, и от боли она вскрикнула. И тогда одним большим толчком он проник в нее, ее глубокое лоно до основания поглотило его орудие.

Асе было больно, ее тело словно разрывали на части, но еще большее страдание ей доставляло то, что ее тело снова использовал мужчина для удовлетворения своей похоти. Она подняла взор на рыдающую напуганную Ульяну и закрыла глаза. В это время Кирилл овладевал ее телом жестче, он проникал в нее глубокими широкими толчками, ему нравилось любоваться ее полубоуженным телом, смуглой кожей, бордовыми сосками.

Не удержавшись, Кирилл сильно укусил ее за сосок. Ощущение полной власти над женщиной, молодое упругое тело под ним, тугие стенки лона, с невероятной силой обхватывающие его мужское естество, заставили его мгновение спустя достигнуть верха наслаждения и выпустить глубоко в Асию свое семя. После этого он сделал еще несколько глубоких толчков и поднялся на колени между ее раскинутых ног, заправляя орган в брюки и застегивая их. Он пару раз несильно шлепнул ладонью низ животы женщины, задержал руку, опустил большой палец к входу в ее лоно и чуть надавил, наблюдая, как вытекает из нее его обильное семя.

— Если понесешь, может, женюсь на тебе. Мне уже давно жена нужна, а ты хоть и без рода, без племени, а жаркая. Или же так просто девкой возьму. Только сына мне роди.

Галябин поднялся с колен и, бросив грозный взгляд в сторону княгини, произнес: «А князю обо всем расскажу, пусть сам решает».

Ульяна в ужасе смотрела ему вслед, не зная, что страшнее — то, что этот человек сотворил с Асей на ее глазах, или то, что Владислав узнает о том, что она сделала. Она боялась не столько за себя, будучи уверенной в любви и прощении Владислава, сколько была уверена, что Асию высекут и прогонят, или убьют.

Она видела, как та схватила с комода длинные ножницы и решительно направилась за Галябиным, уже вышедшим из комнат. Ульяна осознала, что может произойти лишь спустя несколько минут, тогда она ринулась из комнаты, пытаясь понять, куда пошел воевода. Тогда снизу раздались крики, и Ульяна побежала вниз по лестнице.

Перепуганные слуги стояли у дверей в противоположном конце комнаты, Ася сидела рядом с телом воеводы, держа в руках окровавленные ножницы, из многочисленных ран на его спине растекалась кровь. У Ульяны подкосились ноги, и она рухнула на пол, прижимая ладони к лицу, пытаясь сдержать крик и рыдания.

Две служанки бросились к княгине, поднимая ее и уводя прочь, они уложили ее в кровать, накинули на дрожащую девушку меха, и принялись отпаивать ее успокоительными отварами. Тем временем мужчины связали Асе за спиной руки и как есть, обнаженную, заляпанную кровью, с безумными глазами, заперли в одной из комнат.

Когда через несколько часов вернулся князь, ему доложили о том, что обезумевшая татарка набросилась на воеводу. Ульяна была настолько потрясена случившимся, что сперва не смогла сказать ничего внятного, кроме того, что Ася действительно убила.

Уже успокоившись, она попыталась объяснить мужу, что Галябин пытался силой овладеть ею, а Ася просто защищала ее, но лишь увидела неверие в его глазах. И хотя рассказывать правду было уже поздно, после всей этой лжи, Ульяна рыдала и доказывала Владиславу, что Ася сделала это не со зла, что она не виновата, что воевода силой взял ее прямо на глазах Ульяны.

Дослушав обвинения жены до конца, Владислав крепко обхватил руками лицо Ульяны и, сурово глядя в ее глаза, тихо произнес:

— Я знал его с юных лет, он был верным другом и соратником. Я видел его в гневе, видел во хмелю, видел на поле боя. Не говори мне, на что он способен, и никогда больше не лги мне. Я проявил к этой женщине доброту, принял ее в своем доме, лишь бы ты была счастлива, но ей придется ответить за свое преступление, как и любому другому. И передо мной и перед людьми.

Владислав отпустил Ульяну, поднялся и решительным шагом вышел из комнаты, оставив ее одну. Ночью он не вернулся, его внимание и время были заняты смертью воеводы и близкого друга.

Ульяна не могла заснуть, она была на грани истерики, металась по кровати, пытаясь найти способ спасти Асю. Впервые в жизни она по-настоящему представила, что означает потерять ее. Представила, что никогда больше не увидит любимую, не прикоснется к ней, что теперь останется одна.

Она еле дождалась утра, планируя свои действия. У нее был только один способ спасти Асю, убедить мужа пощадить ее. Она дождалась его только к середине дня. Он пришел уставший, изможденный с нахмуренным лицом.

Ульяна бросилась к нему навстречу и прильнула к нему всем телом, обхватывая руками его шею, приподнимаясь на цыпочках, чтобы приблизить лицо к его лицу. Но Владислав не стал тут же наклоняться к ней, как делал это раньше, когда она встречала его, кидаясь на шею. Он не ожидал столь резкого напора со стороны жены в данной ситуации. И когда она потянулась к его губам, он лишь слегка прикоснулся к ее. Но и этого было достаточно, чтобы возникло желание. Ее некрепкие объятия, жаждающий взгляд, трепетные губы заставили Владислава обхватить ее руками и притянуть к себе, и их поцелуй стал более горячим. Он касался её губ своими не спеша, наслаждаясь их нежностью и податливостью. Ульяна издала негромкий стон, и князь принялся жадно обхватывать губами ее губы, пока кончик его языка не проник в ее рот. Потом он наклонился, чуть приподнял девушку и стал покрывать поцелуями ее шею, ключицы. Каждое прикосновение его губ отзывалось в ее теле. Но сейчас Ульяна не жаждала близости с мужчиной, она стремилась подчинить его власти своего тела. Обнявшись, они ласкали друг друга, его крепкие руки двигались по ее спине, по бёдрам.

— Ты все еще любишь меня? — между поцелуями прошептала Ульяна. Ей не нужно было дожидаться его ответа, и она вновь впилась в его губы поцелуем. — Ведь я так люблю тебя, я

не могу жить без тебя... Мне так важно знать, что я тебе нужна.

Недолго раздумывая, Владислав дернул руками в разные стороны вырез ее платья, разрывая ткань, проник к ее грудям, и ее нежное тело затрепетало под его ладонями. Через несколько мгновений платье было на полу, а розовые небольшие соски груди Ульяны упруго торчали, требуя ласки. Ульяна была прекрасна, Владислав любовался обнаженной девушкой, ее разметавшимися по плечам золотыми волосами и обнаженной грудью. Он пьянел от восхищения и желания, снова приныкая в поцелуе к её слегка припухшим губам.

Владислав обхватил ладонями ее ягодицы и крепко прижал к себе, давая почувствовать силу своей страсти. Ульяна потянулась вверх и раздвинула немного ноги, позволяя выпирающему через ткань брюк мужскому органу проникнуть плотнее к ее телу. Легкими движениями бедер она доводила мужчину до иступления, пока его руки с силой сжимали мягкую плоть ее ягодиц, то и дело проникая между ними, кончиками пальцев дразня ее самое чувствительное место.

А Ульяна гладила его разгоряченное тело, забравшись пальцами под рубаху, пока не помогла ему избавиться от нее. Когда его одежда оказалась на полу, девушка ещё раз провела ладонями по его торсу, любясь рельефом его мышц.

— Лаская меня, любимый, не останавливайся, — умоляла Ульяна, шепча на ухо мужу. Губы Владислава скользнули вниз по ее шее, груди, оставляя за собой влажный след. Покрывая каждую частичку ее тела, они опускались всё ниже, пока достигнув низа живота, не начали страстно захватывать ее нежную кожу. Стоя на коленях перед любимой, Владислав обхватывал руками ее за бедра и прижимался щекой к ее животу, то и дела касаясь его горячими губами.

Ульяна не хотела больше ждать, она отодвинулась от Владислава и отошла к его столу, облокотившись на него ягодицами.

— Иди ко мне скорее, — сказала она, протягивая руки и призывно улыбаясь.

Владислав расстегнул брюки и приспустил их, а его возбужденный могучий орган вырвался на свободу, торча вверх и раскачиваясь, пока его обладатель подходил к жаждущей его женщине, которая тут же приподняла ноги и обвила ими его торс. Князь подвинул ее чуть ближе к краю стола, слегка откинул назад, прогнув ее поясницу, и медленно и аккуратно вошёл в неё. Нежные влажные складки раздвинулись под напором, проглотив горящую от возбуждения головку, а затем и весь жилистый ствол. Владислав остро чувствовал, как его плоть расширяет нежные ткани её тела. Ульяна облокотилась одной рукой на поверхность стола, другой рукой обхватила плечо мужа, прикрыла глаза и позволила плавно насаживать свое тело на мужской орган. Когда князь взял жену покрепче за бёдра и стал двигаться энергичнее, она обвила его шею руками и прижалась грудью к его торсу.

— Обещай, что простишь Асю и отпустишь ее, — прошептала Ульяна ему в лицо, — Обещай, иначе сделаешь меня несчастной.

Владислав замедлил движения, потом замер и посмотрел в лицо жены.

— Не могу, — прерывающимся от страсти голосом ответил он, — я должен быть справедливым. Его родные требуют правосудия. Ее казнят, и я ничего не могу сделать.

Бедра Владислава снова пришли в движение, совершая глубокие толчки вглубь женского тела. Ульяна прижалась лицом к его шее и всхлипнула: «Умоляю тебя». Но Владислав покачал головой, прижимая крепче ее тело к себе. Руки Ульяны больше не обнимали его за шею, она выставила их перед собой и слегка уперлась в его грудь. Она перестала отвечать на

его движения, а просто сидела, удерживаемая его руками, пока глаза ее наполнялись слезами. Она еще несколько раз всхлипнула и, поднеся руки к лицу, легла спиной на прохладную поверхность стола.

Ульяна лежала перед князем обнаженная и прекрасная, в страдании прижав руки ко рту, закрыв глаза и прикусив губки, нежные груди колыхались вверх и вниз, пока Владислав вторгался в ее трепещущий живот, поддерживая сильными руками ее стройные ножки. Охваченный желанием утешить ее, он отпустил их, дав безвольно повиснуть по сторонам от его бедер, и стал ласкать руками ее груди и живот, сжимая и поглаживая. Без остановки он продолжал энергично погружать орган в её нежное лоно, ему казалось, что он плывет по волнам ее телам, что она — само наслаждение.

Его отрезвил вид ее сотрясающегося в сдавливаемых рыданиях тела, повернутая в сторону голова, катящиеся по щекам слезы, страдальческое выражение лица. Владислав остановился и наклонился к Ульяне, поворачивая ее лицо к себе, прижимаясь лбом к ее лбу, целуя ее щеки и глаза. Ему было невыносимо наблюдать ее печаль и переживания. Он хотел всегда видеть ее счастливой, беззаботной, наслаждаться ее любовью и давать ей наслаждение. С самого начала он был готов дать ей все, что она пожелает, но она редко просила его о чем-то. Сейчас она была далека от него, и Владислав представил, что, когда она потеряет подругу, которую пытается защитить, он, возможно, навсегда потеряет ее. В его руках по-прежнему будет ее прекрасное тело, но сама она как сейчас будет безучастна к его ласкам.

Несмотря на сопротивление, Владислав поднял ее и крепко обнял, прошептав на ухо: «Я сделаю все, что смогу. Я сохраню ей жизнь, но не обещаю, что верну ее в этот дом». Ульяна внимательно посмотрела в его глаза, ее рот тронула легкая улыбка, и она с невероятной силой обняла его, ее руки крепко обхватили его за шею.

Через мгновение ее объятия стали слабее, тело более расслабленно, и Владислав почувствовал, как её лоно сжалось упругим кольцом вокруг его органа, то обхватывая его с невероятной силой, то отпуская, каждое такое пожимание приносило ему невероятное удовольствие, а Ульяна сладко и призывно застонала. Владислав продолжил с силой входить в неё, пожимая ее бедра и лаская ноги, доходя до коленок, которые крепко обнимали его торс. Через некоторое время Ульяна отстранилась от тела Владислава и, глядя на него полными любви и благодарности глазами, взяла его руку и прижала ладонью к своему телу, призывая ласкать свои набухшие соски и ноющие от возбуждения груди.

Неожиданно она вдруг вскрикнула, прижала мужа за бедра ещё сильнее и задрожала. Владислав остановился, наблюдая за ней; его орган был погружен в её разгоряченное лоно, и ему казалось, что он чувствует пульсации её тела каждой клеткой. Окрылённый её наслаждением, он взял ее за бедра и продолжил движения, вынимая и погружая ствол в её истекающее соками лоно.

Через несколько движений князь с силой двинулся внутрь нее, приподнял ее бедра с поверхности стола, удерживая ее на весу, насаженной до самой глубины на его изливающийся орган. Ульяна выгнула тело дугой и отчетливо почувствовала несколько горячих струй, бурно вырывающихся в её раскрытое лоно.

Владислав выполнил свое обещание, Асия была осуждена, но не казнена, ее удалось вывезти из города. Ульяне сказали, что девушку услали в Любичи, и уже там будет решаться ее судьба. Когда через несколько недель Ульяна смогла съездить к своему отцу, ее любимой там уже не было. Ярослав Андреевич поклялся дочери, что Асю поспешно выдали замуж за приезжего

купца, тоже татарина, который увез ее с собой, но как зовут купца и где он, сказать отказался. Любин пытался вразумить дочь, объяснить, какого позора, каких бед она избежала, и теперь, когда татарки рядом больше нет, ей стоит полностью положиться на мужа, выкинув из голову все эти грешные забавы, к которым склонилась Ася невинную доверчивую Ульяну. Он предостерег дочь от дальнейших расспросов и поисков, дав понять, что если Ася еще хоть раз появится в жизни Ульяны, он уже не будет так милостив.

Ульяне стоило больших усилий смириться с потерей самого дорого человека в ее жизни. Лежа в постели в объятиях засыпающего Владислава, чувствуя влагу его семени между ног, вынашивая их первенца, она пыталась восстановить в памяти ощущения, которые дарили ей нежные смуглые руки, ласкающие каждый изгиб ее тела, как теплый мягкий язычок скользил по ее губам, соскам, входу в лоно. Она надеялась, что когда-нибудь ее пути с Асей пересекутся, хотя в глубине души была уверена, что с Асей поступили совсем иначе, что ей не оказали той милости, о которой говорили отец и Владислав. Красивая страстная татарка навсегда осталась в памяти молодой княгини, надолго вытеснив с первых позиций мужчину.